

ГОД В ЗУБРОВОМ ПАРКЕ (1942—1943 гг.)

Зубровый парк Кавказского государственного заповедника— это действительно прекрасный естественный парк на площади в 15 кв. км. Стройные пихты чередуются с раскидистыми задумчивыми березами. Могучий бук и дуб обильно посыпают плодами землю, а вокруг, как декорация, возвышаются чудесные горы.

С трех сторон горы являются естественной границей парка. На западе виден искрящийся на солнце величественный ледник Джериарук. Зубровый парк расположен на высоте 1400 м над уровнем моря. Проплывающие порой белые клубящиеся облака покрывают все вокруг влажной пеленой. застывшие обрывки их, особенно по утрам, долго отдыхают на скалистых выступах гор, напоминая дивные стихи поэта: «Ночевала тучка золотая на груди утеса великана...».

Десять мощных бородастых зубров представляют сейчас хозяев этого уголка Западного Кавказа и великолепно себя чувствуют в созданной для них обстановке. Летом в их распоряжении много больших полей с прекрасным травостоем. Плоды диких фруктовых деревьев разнообразят их стол, а к фруктам наши бородастые хозяева очень равнодушны. Для зимнего питания зубры готовятся в загоне душистое сено. С наступлением осени зубры охотно идут в загон и не уходят до весны. В обычной обстановке зубры предоставлены сами себе все лето — только дежурный наблюдатель издали следит за движением стада. Но они далеко не уходят, кочуя всем стадом с поляны на поляну в пределах отведенной им площади.

Немцы, заняв в августе 1942 г. Хамышки в 25 км от Зубропарка, очень интересовались зубрами и Зубровым парком. Об этом рассказывают жители оккупированных селений, о том же говорят фотоснимки зубров и Зубропарка, сделанные немцами с самолета, которые они показывали населению, распуская слухи о том, что и Гузерипль, и Киша, и Зубровый парк заняты ими, а жители этих пунктов уничтожены от мала до велика, как злые партизаны.

Но парк жил... Тревожные вести шли с фронта, связь с управлением заповедника прервалась. Что плохо слышно там, внизу, по громким эхом раздавалось здесь, в горах, и мы, обитатели

Зубрового парка, с замиранием сердца слушали гул непрерывно рвущихся снарядов. От партизан, пробиравшихся во вражеский стан, мы знали, что это наши летчики не дают покоя немцам с воздуха, и в сердце жила надежда на разгром врага.

Коллектив наш состоял из семерых взрослых и двух маленьких детей. Сознывая всю опасность положения, круглосуточное дежурство у зубров несли четверо наблюдателей охраны: С. Г. Дубовский, К. Н. Кушников, В. М. Татарков и П. Б. Кондрашев. Три женщины: Н. Д. Дубовская, З. И. Татаркова и Л. Н. Шатаева, дежурили на дороге. Охрана зубров чрезвычайно осложнилась. Без соответствующей одежды и обуви, не имея возможности обсушиться, целыми сутками люди должны были стоять на посту.

Два раза охрана теряла зубров. Мысль, что враг мог подослать людей и украдкой угнать зверей, приводила в уныние весь наш коллектив. Однажды животных искали целый день до поздней ночи, но безрезультатно. Дежурный наблюдатель остался на ночь в балагане на Темной поляне за пять километров от основных построек. Вдруг глубокой ночью послышался шум и треск ломающихся веток, и все стадо столпилось у входа в балаган. Увидев радостно выбежавшего навстречу человека, зубры отошли и спокойно улеглись вблизи балагана.

Все ближе и чаще стали слышаться ружейные выстрелы вокруг Зубрового парка. Наблюдатель К. Н. Кушников привел с кордона Киша огромную злую кавказскую овчарку под кличкой «Черкес». Пес быстро понял свою задачу; на дежурстве он занимал пост на подходной тропе к пастбищу где-либо на бугорке и громким лаем оповещал нас о приближении «чужих». Громкий лай его, усиленный раскатистым эхом, далеко раздавался в горах. Зубры чрезвычайно враждебно отнеслись к собаке. Завидев ее, они всем стадом мчались к ней, очевидно с намерением уничтожить, тогда пес торопился укрыться под защиту человека.

С появлением собаки на Зубровом парке близкие выстрелы прекратились. Охрана, совершая обход территории, обнаружила в двух километрах от зубрового пастбища только что брошенный шалаш, в нем сушеное мясо, остатки костра...

От гудящих в облаках вражеских бомбардировщиков детей прятали в погреб.

Однажды послышались отголоски ближнего боя, враг подобрался к поселку Сахрай, по долине реки потянулся дым от сожженного немцами селенья. Кордон заповедника Киша стоял, мрачно ошетилившись винтовками и пулеметами с каждого балкона, чердака, окна... Слились воедино партизаны, охрана, жители... Ночью, в крошечной лесной сторожке наш коллектив вынес решение угнать зубров еще дальше в лес, в горы, в укромный уголок, где они должны были задержаться, а самим с детьми укрыться в старом балагане на р. Шише. Картофель зарыли в землю в лесу. Хлеб мы не прятали... его у нас не было совсем уже несколько месяцев. Мы рассчитывали, что по глубокому снегу, ожидая из-за каждого куста партизанской пули, немцы не пойдут туда нас ис-

кать. В эту исключительно темную декабрьскую ночь наши 2 домика и лес слились в сплошную тень. Вдруг из-за хребта Сосняки раздался гул двух вражеских самолетов. Зная цели врага, мы надеялись, что в такой темноте он не различит наших построек и этой маленькой, затерявшейся в горах лесной сторожки. Через несколько минут раздался гул от взрыва четырех бомб, сброшенных одна за другой. Лес на мгновение озарился ярким светом, затем опять все погрузилось во мрак. Самолеты, покружив еще некоторое время, скрылись за хребтом. Этой ночью мы постановили даже на ближайший кордон Киша за семь километров не делать след по снегу, а снег выпал метровой глубины — по такому снегу без дороги Зубровый парк трудно найти.

Глубокий снег приносит много удовольствия зубрам: все стадо играет, бегая с громким сопеньем, затем зубры ложатся на снег, как на мягкую перину, и подолгу лежат без движения, а снег толстым слоем засыпает их; можно подумать, что животные мертвы, но они лишь наслаждаются прохладой.

Оторванные от последнего кордона мы жили две недели; затем В. М. Татарков и К. Н. Кушников взяли лыжи и пошли на разведку. Четыре раза немцы бомбили Зубровый парк, но уничтожить зубров им не удалось. Чувство бодрости вливали в охрану слова партизан—военкома т. Музыченко и пред. рика т. Свердлова, посетивших нас в Зубровом парке: «Товарищи, держитесь! На вас возложена ответственная задача. Мы близко около вас». И опасность казалась не такой серьезной...

В конце 1943 г. в одном из двух домиков украшенная бумажными самодельными игрушками и несколькими свечками светила елка для двух маленьких детей В. М. Татаркова. Звук патефона не мог заглушить гула налетевших вражеских самолетов, но в ответ на это только плотнее закрывались ставни окон и чаще менялись пластинки на патефоне.

Этой тяжелой зимой 1942-43 гг. норма кормления зубров была уменьшена. Соль, овес и частично свекла бронировались для партизан и давались зубрам лишь для приманки и для поддержания дисциплины зверей по отношению к людям. Не ограничивали зубров только сеном. Звери особенно протестовали против уменьшения нормы свеклы, выстаивая подолгу против погребца со свеклой, хрюканьем и сердитым сверканьем глаз выражая протест. Когда зубры сердятся, у них особенно ярко сверкают их черные глаза.

Время шло... В конце января 1943 г. вражеские полчища, преследуемые Советской Армией, покатались обратно на север. Вновь завязалась связь с внешним миром, а через два месяца, 10 апреля, стадо зубров, выпущенное из загона, бодро побежало на «выгрев» искать зеленую траву.

Наш маленький коллектив с новой энергией приступил к весенним работам, не прекращая круглосуточных дежурств у зубров, кочуя вместе с ними с поляны на поляну.

В момент, когда пишутся эти строки, в Зубровом парке из переживавших трудное время вражеского окружения остался только один — старший наблюдатель П. Б. Кондрашев. Остальные — кто пошел с винтовкой в руках защищать родную землю, доказав врагу, что советский человек по зову Родины всегда готов стать на ее защиту с оружием в руках, кто вернулся на основную работу.

А на зеленых полянах резвится не тревожимое теперь никем в заповедной тишине Зубрового парка стадо зубров...
